

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.30>

Осьмухина Ольга Юрьевна, Богатова Мария Андреевна

ТРАДИЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О ГЛУПЦАХ В ЛИТЕРАТУРЕ СЕВЕРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ШВАНКОВ, НАРОДНОЙ КНИГИ "ШИЛЬДБЮРГЕРЫ" И "ПОХВАЛЫ ГЛУПОСТИ" Э. РОТТЕРДАМСКОГО)

Статья посвящена осмыслению темы глупости в ренессансной литературе Германии. Установлено, что с позиций гуманистической мысли, формирующейся здесь на рубеже XV-XVI столетий, глупым и необразованным предстает средневековый мир, не принимающий новое знание и остающийся невежественным, придерживающийся принципов схоластики. Отмечается, что, если в шванках И. Паули, Й. Викрама, Я. Фрея, М. Монтана и в "Корабле дураков" С. Бранта, носящих назидательный характер, глупость представлена социальным пороком, то в "Шильдбюргерах", равно как и в "Похвале глупости" Э. Роттердамского, она отчетливо карнавальна и расширяется до метафоры человеческого бытия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/30.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 136-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Егорова О. А. К вопросу об актуализации мифологических представлений в фольклоре (на материале русских и британских сказок) // *Litera*. 2018. № 3. С. 296-303.
2. Егорова О. А. Специфика мифологической основы волшебного вымысла в сказках Британских островов // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. № 1. С. 87-97.
3. *Кельтская мифология: энциклопедия*. М.: Эксмо, 2005. 640 с.
4. *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
5. *Мифология Британских островов: энциклопедия*. М.: Эксмо, 2004. 640 с.
6. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
7. Пропп В. Я. Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
8. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 640 с.
9. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Астрель, 2001. 624 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 352 с.
11. Geoffrey A. *Mythology of the British Isles*. New edition. L.: Methuen Publishing, Ltd., 2002. 334 p.
12. Jacobs J. *English Fairy Tales*. L.: David Campbell Publishers, Ltd., 1994. 428 p.
13. Jarvie G. *Scottish Folk and Fairy Tales*. L.: Penguin Books, 1997. 199 p.
14. Jones G. *Stories from Wales*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 240 p.
15. Kerven R. *English Fairy Tales and Legends*. L.: Anova Books, Ltd., 1975. 197 p.

**NATIONAL SPECIFICITY OF THE BRITISH FAIRY TALE HEROINES
(BY THE MATERIAL OF COMPARISONS AND EPITHETS)**

Egorova Ol'ga Arsenovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
egorovaolga29@mail.ru

The article examines nationally conditioned features, qualities and character traits of the British fairy tale heroines. These features are emphasized by means of comparative constructions and epithets. In this connection, the author analyses the artistic and style originality of the lexical means participating in the formation of the personages' images. The conclusion is made that comparisons and epithets play a key role in actualization of the female images. The basic qualities of the British fairy tale heroines – intelligence, native wit, courage, sense of humour and optimism – represent the model of the British national character.

Key words and phrases: national specificity; linguistic worldview; British fairy tales; specificity of female images; comparative constructions; epithets.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 11.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.30>

Статья посвящена осмыслению темы глупости в ренессансной литературе Германии. Установлено, что с позиций гуманистической мысли, формирующейся здесь на рубеже XV-XVI столетий, глупым и необразованным предстает средневековый мир, не принимающий новое знание и остающийся невежественным, придерживающийся принципов схоластики. Отмечается, что, если в шванках И. Паули, Й. Викрама, Я. Фрея, М. Монтана и в «Корабле дураков» С. Бранта, носящих назидательный характер, глупость представлена социальным пороком, то в «Шильдбюргерах», равно как и в «Похвале глупости» Э. Роттердамского, она отчетливо карнавальна и расширяется до метафоры человеческого бытия.

Ключевые слова и фразы: амбивалентный смех; карнавал; традиция литературы о глупцах; шванка; С. Брант; Й. Викрам; И. Паули; Я. Фрей; М. Монтан; Э. Роттердамский.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, г. Саранск
osmukhina@inbox.ru

Богатова Мария Андреевна

Гимназия № 12, г. Саранск
osmukhina@inbox.ru

**ТРАДИЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ О ГЛУПЦАХ В ЛИТЕРАТУРЕ СЕВЕРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ШВАНКОВ, НАРОДНОЙ КНИГИ «ШИЛЬДБЮРГЕРЫ»
И «ПОХВАЛЫ ГЛУПОСТИ» Э. РОТТЕРДАМСКОГО)**

Общеизвестно, что уже на рубеже XV-XVI вв. в Германии формируется традиция гуманистической литературы [4-6; 9-12]. При этом заметим, что истории, культуре, литературе немецкого Ренессанса посвящено

множество научных исследований различной ориентации – от философских и исторических [2-4; 7; 16] до культурологических и литературоведческих [5-6; 13-15; 17-19], касающихся выявления сущности немецкого гуманизма и его отличия от гуманизма других европейских стран, общих проблем периодизации и типологии культуры Северного Возрождения, тех или иных эстетических аспектов, своеобразия жанрового состава немецкой ренессансной словесности и т.д. Однако ряд частных, но принципиальных вопросов для адекватного осмысления немецкого литературного и шире – социокультурного – сознания остаются, к сожалению, на периферии исследовательского интереса.

Традиционно считается, что «новую» немецкую ренессансную словесность, наряду с пришедшими из Италии фацециями и др. жанрами, продолжали составлять в XVI столетии духовные песни, басни, нраво-учительные комедии, мейстерзингерские песни, использовавшиеся проповедниками назидательные «приклады», а также фастнахтшпили, шпрухи, шванки. Последние, кстати, не просто явились «эстетическим механизмом культурной адаптации к новой ценностной системе в условиях переходной эпохи» [17, с. 6], но сыграли важную роль в становлении смеховой традиции немецкой литературы последующих периодов (от прозы романтизма до творчества немецких писателей и драматургов в XX столетии).

Таким образом, **актуальность** настоящего исследования состоит в необходимости комплексного осмысления темы глупости, во-первых, явившейся ключевой для шванковой литературы в частности и словесности немецкого Ренессанса в целом, во-вторых, реализуемой не только в образах дураков, но и в оппозиции «мудрец – глупец», связанной с дальнейшим формированием смеховой традиции; в-третьих, ставшей неотъемлемой частью комического как традиционного компонента национального кода немецкой культуры.

Цель настоящего исследования – осмыслить своеобразие преломления темы глупости в сборниках немецких шванков («В шутку и всерьез» И. Паули, «Дорожная книжица» Й. Викрама, «Дружок в дорожку» М. Монтана и др.), народной книге «Шильдбюргеры» и «Похвале глупости» Э. Роттердамского. Цель определила следующие **задачи**: проследить формирование традиции литературы о глупцах в шванках немецкого Возрождения; сопоставить тему глупости в шванках и в «Корабле дураков» С. Бранта; осмыслить специфику образа глупости в «Шильдбюргерах», сравнив принципы его изображения с образом Глупости в книге Э. Роттердамского.

Научная новизна нашей статьи состоит в комплексном изучении репрезентации темы глупости в литературе Северного Возрождения.

Весьма показательным в данном контексте является сборник францисканского проповедника Иоганнеса Паули «В шутку и всерьез» (1522), состоящий из шванков (анекдотов, веселых бытовых зарисовок), в котором с назидательной целью «в шутку» и «всерьез» даются благочестивые наставления пастве. Примечательно, что И. Пауль, будучи магистром свободных искусств, вступил в орден францисканцев и уже в 1479 г. читал проповеди в одном из эльзасских монастырей [8, с. 617], однако в 1506-1510 гг., в бытность настоятелем монастыря босоногих монахов, он слушал народного проповедника Гейлера из Кайзерсберга и издал записи его проповедей, в том числе и о «Корабле дураков» С. Бранта – первой книге в немецкой ренессансной литературе, в которую перенесена народная оппозиция «мудрец – глупец» и которая открыла мощную традицию литературы о дураках Северного Возрождения.

Если С. Брант изображает дураков разных мастей (неучи-библиофилы, неверные жены и мужья, купцы, стяжатели, модники, гуляки, волокиты и т.д.), отправляющихся на поиски Наррагонии (Глуландии), и тем самым репрезентует совокупный образ глупости человеческой, то И. Пауль в коротких поучительных, не связанных между собой сюжетно историях описывает различные человеческие слабости и пороки, глупость в ряду прочих. Однако, равно как у С. Бранта, писатель предлагает читателю частные случаи проявления глупости, ограниченной исключительно человеческими пороками. Например, сатирически выведена «великовозрастная девица», умышленно обвинившая молодого человека в лишении ее невинности, но проявившая глупость, отвечая на вопрос судьи и тем самым выдавшая себя и собственную ложь: «...она обвинила его в нападении на большой дороге и сказала, что он ограбил бы ее, кабы она не сумела постоять за себя. “Значит, ты в состоянии постоять за себя?” – спросил судья. “Да, я заорала так, что люди отовсюду сбежались мне на выручку!” – “Если б ты так заорала, – сказал ей судья, – когда добрый молодец тебя обольщал и уламывал, тебе бы тоже пришлось на выручку!”» [Там же, с. 28]. Справедливости ради отметим, что и в сборниках прозаических шванков Я. Фрея «Общество в саду» (1556), М. Монтана «Дружок в дорожку» (1557) и М. Линденера «Книжица для отдохновения» (1555) в комических ситуациях оказывается целая галерея глупцов самых разных сословий и профессий – лицемеры, пьяницы, врачи-шарлатаны, взяточники судьи, кутилы и моты и др. Глупость становится неотъемлемым атрибутом всех, кто предается порокам (достаточно вспомнить, например, шванку М. Линденера о глупости оказавшегося в бочке похотливого канцеляриста, обманутого юношей, переодетым в женское платье), забывает о справедливости, милосердии, уважении к ближнему, взаимопомощи. Кстати, вполне сопоставимы в этом отношении и тематически связанные друг с другом шванки И. Пауля об обмане собак волками и о дураке, который выдал врагам собственных родных братьев, причем в финале первой справедливо заключается: «Один дурак выдает остальных» [Там же, с. 62].

Нередко героями книги И. Пауля оказываются животные, с помощью образов которых писатель аллегорически выводит человеческие пороки, тупоумие прежде всего. Показательны в этом отношении шванки о глупых львах, псах и т.д. В одной из них, например, назидательно изображен тупоумный молодой лев, пренебрегший отцовским советом остерегаться человека, а потому попавший в ловушку и едва избежавший гибели. В другой речь идет о глупом псе, метавшемся между двумя замками в надежде поживиться, но в конечном итоге прозевавшем обе трапезы. Подобные повествования у И. Пауля, как правило, заканчиваются

в духе церковной проповеди-поучения определенными стилистическими приемами – риторическими обращениями к читателю (слушателю), к героям повествовательной части, риторическими вопросами, восклицаниями, метафорами: «И столь же непостоянны и непоследовательны многие люди, желающие вкусить радостей земных, но уповающие и на жизнь вечную, – и потому весь год предающиеся порокам... И столь же непостоянны и непоследовательны мы все: спешим с утра к Господу, во храм, на проповедь, а после еду идем прямехонько к дьяволу... прихрамывая, как сам нечистый. И ведем себя так до самой кончины, и с грустью думаешь, уж не прозеваем ли мы обе трапезы, как тот глупый пес?» [Там же, с. 31]. Схож по структуре со шванкой о глупом псе рассказ о мужике, «изрядном дурне», посадившем кошку в корзину с сыром стеречь его от мышей, разумеется, съевшую и мышей, и сыр: «Не так ли ведут себя светские и духовные князья, назначая, к примеру, чиновников над простым людом... Да разве ж это дело – крыть крышу не кровлей, а кровельщиком...?» [Там же, с. 32].

Равно как и С. Брант в «Корабле дураков», И. Пауль строит повествование практически во всех шванках в духе нравственной проповеди, причем от противного – от обличения порока к утверждению добродетели. Сходным образом, кстати, организованы и шванки Й. Викрама, составившие сборник «Дорожная книжца» (1555), причем глупцами здесь прежде всего выступают служители культа – толстые попы и монахи, предающиеся пьянству и разврату, не смотря на свой религиозный статус (достаточно вспомнить шванки «Как некий поп вознамерился обеспечить себе доступ в царство небесное пятью словами», «Как монах вытаскивал у девицы занозу из ноги», «О пастыре, учившем своих прихожан свистеть в ответ на сказанную ложь»).

Несмотря на то, что книга И. Пауля была далека от протестантского радикализма, он, тем не менее, подвергает осмеянию и многие пороки священников – не только лицемерие и разврат, но и жадность, граничащую с глупостью, свидетельство чему – история о дураке-священнике, спрятавшем сокровища в алтаре, написав на нем «здесь покоится Господь Бог» и умершем, когда не обнаружил денег, а «нашел алтарь пустым, а под прежней надписью новую: “Господь Бог воскрес”» [Там же, с. 37].

При всем сходстве построения шванков у И. Пауля с книгой С. Бранта отметим весьма примечательную деталь: одна из шванков выходит за рамки нравственной проповеди и рисует мир «перевернутым», в котором дурак становится мудрецом. Шванка повествует о едущих на войну людях, которые повстречали дурака и пытались объяснить ему, что такое война и зачем она нужна. Однако дурак проявил неожиданную мудрость в своей искренности, когда, выслушав объяснения о том, что ради мира приходится вести войну, т.е. грабить, убивать, брать приступом города и жечь деревни, заключил: «А ведь лучше было бы сразу наступить миру, а всем этим бедствиям не случиться вовсе. Выходит, я умней ваших вожаков, потому как, по мне, лучше заключить мир перед войной, а не после нее» [Там же, с. 32]. В этом шванке, нетипичном для всего сборника, продемонстрирован некий сдвиг в авторском изображении реальности: на неразумный мир высказана точка зрения дурака, который оказывается мудрецом.

Смеховой образ глупости, карнавальная метаморфоза подмены мудрости глупостью представлены в немецкой народной книге «Шильдбюргеры» (1597-1598), считающейся в литературе Германии «преобразованием юмористического романа» [Там же, с. 632]. Повествует она о жителях местечка Шильда, некогда очень мудрых («Молва о превеликом разуме и высокой мудрости шильдбюргеров разнеслась вскоре по окрестным городам и весям и проникла даже в самые отдаленные земли. ...прославились шильдбюргеры на весь белый свет, и каждый возносил им хвалу» [Там же, с. 428]), но принявших решение в силу обстоятельств поглотить: «...всем нам надлежит, от мала до велика, самым что ни на есть нешуточным и затейливым образом валять дурака, и какая бы глупость кому на ум ни взбрела, тотчас он должен ее сотворить» [Там же, с. 437]. Примечательно, что первоначально это было «шутовство»: шильдбюргеры верно рассудили, что лишь подлинному мудрецу под силу разыгрывать шута или дурака. Однако постепенно глупость настолько «прирастает» к ним, что становится второй натурой, ибо «делай и ты так и будешь знатный дурак» [Там же, с. 479]. Жители Шильды строят ратушу о трех углах без окон, мешками заносят туда солнечный свет; засевают пашню солью и пытаются собрать урожай (эти сюжетные коллизии, кстати, окажутся невероятно живучи и будут восприняты Дж. Свифтом в «Путешествиях Гулливера», где академики в Лапуте также станут пахать землю на свиньях, пытаться получить солнечный свет из огурцов, строить дома от крыши к фундаменту и т.д.); всей общиной размышляют над причиной смерти найденного на дороге волка; избирают свинопаса городским головой; веселятся, глядя на обвешанную погремушками собаку; топят в реке колокола с ратуши; желая «напоить» засохшее дерево, отрывают голову своему соплеменнику, а потом не могут вспомнить, была ли у него голова; стараются затащить на городскую стену корову, дабы она избавила их от выросшей там густой травы; «казнят», бросив в реку, диковинного зверя рака, заползшего к ним; и, наконец, пытаясь избавиться от обычной кошки, принятой ими за страшного зверя мышкодава, поджигают Шильду и расходятся по свету, распространяя глупость.

В «Шильдбюргерах», в отличие от поэмы С. Бранта или прозаических шванков, при отсутствии назидательности персонажи стремятся быть глупцами намеренно, более того, царство глупости здесь расширяет свои границы за пределы Шильды – дураками оказываются не только сами горожане, совершающие нелепые чудачества, но и приехавший к ним император. О том свидетельствует, к примеру, глава, в которой он дал им охранную грамоту «на все их дурачества и шутки, заверив своей подписью и печатью», чтобы «городской голова и все жители Шильды, согласно своему желанию, оставались на вечные времена и повсюду, в пределах Утопии и вне ее, такими, какими им быть угодно» [Там же, с. 483], т.е. вечными дураками. В другой главе император задает шильдбюргерам вопрос про дохлого волка и соглашается с самым глупым ответом городского головы

о причине смерти зверя («Желудок он, верно, застудил» [Там же, с. 480]): «И это общее одобренное советом мнение было доложено императору, который сказал, что шильдбюргеры, вероятно, правильно рассудили, и другого ответа на этот вопрос быть не может» [Там же, с. 482]. Фактически в народной книге изображен карнаваль-ный, по М. М. Бахтину, «перевернутый» мир [1], в котором мудрость и глупость легко меняются местами.

Подобная карнавальная метаморфоза представлена и в «Похвале глупости» Эразма Роттердамского. При этом, в отличие от современников и предшественников, нидерландский гуманист отказался от дидактизма и назидательности: текст он выстраивает как панегирик, который богиня Глупости произносит в свою честь, удивляясь, что до сих пор в честь той, кому поклоняются абсолютно все, не посвящено ни одного хвалебного слова. «Пусть грубые смертные толкуют обо мне, как им угодно, – мне ведомо, на каком худом счету Глупость даже у глупейших, – все же я дерзаю утверждать, что мое божественное присутствие, и только оно одно, веселит богов и людей. Наилучшее тому доказательство – перед вами: едва взошла я на кафедру в этом многолюдном собрании, как все лица просияли небывалым, необычайным весельем, все подались вперед и повсеместно раздался радостный, ликующий смех» [20, с. 122]. Прочитываемый нами фрагмент примечателен, во-первых, тем, что Глупость ведет повествование от первого лица – она без тени смущения насмехается над представителями всех сословий, профессий, подчеркивает, что куда бы она ни явилась, она находит своих верных почитателей и слуг. Во-вторых, речь ее, отличающаяся бахвальством, встречается одобрителем «весельем», следовательно, сам образ ее непосредственно связан со смеховой стихией, фактически воплощает ее. При этом подчеркнем, что смех этот амбивалентный, по М. М. Бахтину, одновременно убивающий и возрождающий [1], направленный как на весь человеческий мир, о котором вещает Глупость, так и на нее саму, ибо именно Глупость оказывается способной посмотреть на себя со стороны, не только оценить тупоумие рода человеческого, но и признаться в собственной глупости: «Кто может изобразить меня лучше, нежели я сама!» [20, с. 123].

Представляясь дочерью бога богатства Плутона, вместе с которым она становится источником всех мыслимых и немыслимых человеческих пороков, Глупость доказывает собственную универсальность, ибо скрыть ее не могут «даже те, кто изо всех сил старается присвоить себе личину и титул мудрости» [Там же, с. 124]. Глупы ее верные слуги – боги Лени, Наслаждения, Безумия, Лести, Себялюбия, Разгула, Чревоугодия, с помощью которых она подчиняет весь род людской. Дураками, по ее мнению, выглядят люди, которые, благодаря собственной глупости, потакают чужим недостаткам, прощают слабости и пороки друзьям. Именно «глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд, да и что такое жизнь человеческая, как не забава Глупости?» [Там же, с. 143].

Более того, она полагает, что быть глупым – означает быть подлинным счастливецом, поскольку это означает исполнять «веления природы», которая «никогда не заблуждается» [Там же, с. 151]. Именно дурачки – счастливые в своем неведении о жизни с ее многочисленными тяготами и заботами – просты и наивны: «...дурачков все любят, как близких и родных, зовут в гости, балуют, ласкают, приходят к ним на помощь в беде; им позволяют безнаказанно говорить и делать что угодно. Никто не решится причинить им обиду, даже дикие звери их не трогают ради их простоты» [Там же, с. 153].

Глупость искренне рассказывает о лицемерии представителей рода человеческого, скрывающих свое истинное лицо под маской добродетели в угоду достижениям своекорыстных целей – это касается и священнослужителей, и дураков-схоластов, прикрывающихся псевдоученостью, и философов, и юристов, и астрологов. Она рассуждает о том, что если бы не ее «божественное» вмешательство, то «никакая житейская связь» не была бы прочной: «...народ не мог бы долго сносить своего государя, господин – раба, служанка – госпожу, учитель – ученика, друг – друга, жена – мужа... ежели бы они взаимно не заблуждались, не прибегали к лести, не щадили чужих слабостей» [Там же, с. 138-139].

Глупость предстает вечной спутницей человеческого рода. При этом просит не принимать ее всерьез, о чем свидетельствует финал ее хвалебной речи, когда она не просто подчеркивает, что все сказанное произнесено «Глупостью и вдобавок женщиной» [Там же, с. 207], но и цитирует греческую поговорку «часто глупец в неразумии метким обмолвится словом». Она, с одной стороны, маркирует карнавальную метаморфозу «мудрец – глупец», указывает на взаимозаменяемость умного и дурака. С другой, подчеркивает, что в неразумном мире лишь Глупость обладает истинным видением жизни и подлинной мудростью, ибо не случайно именно шуты (носители маски дурака) выполняют функцию говорения правды: они могут говорить все, что им вздумается, не вызывая обиды или ярости у своих господ и покровителей.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на протяжении середины XV – XVI в. в литературе Северного Возрождения тема глупости не просто становится ключевой в стихотворной (например, творчество Г. Сакса, «Корабль дураков» С. Бранта) и повествовательной словесности («Похвала глупости» Э. Роттердамского, сборники прозаических шванков И. Пауля «В шутку и всерьез», Я. Фрея «Общество в саду», М. Монтана «Дружок в дорожку», М. Линденера «Книжица для отдохновения», народная книга «Шильдбюргеры»), но формируется мощная традиция литературы о дураках. Но если в поэме С. Бранта и прозаических шванках мир судится разумом (соответственно, все то, что не соответствует критерию разумности, объявляется глупым) и воплощением глупости становятся представители самых разных сословий, профессий, то в «Шильдбюргерах» и «Похвале глупости» Э. Роттердамского образ глупости заметен усложняется. Именно Глупость оценивает мир и людское бытие. Образ ее носит отчетливо выраженный карнаваль-ный характер, поскольку переворачивает мир, показывает его вывернутым наизнанку. Глупость уже не ограничена человеческими пороками (как в шванках или «Корабле дураков»), она отождествляется с человеческим

бытием (ей подвластны все – от неверной жены и астролога до «ученых» мужей и лентяев; от бедняка до Папы Римского), границы ее царства необычайно широки: глупость уже не маркирует отдельные слабости или грехи, она – суть человеческого существования.

Список источников

1. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
2. **Бенеш О.** Искусство Северного Возрождения. Его связь с современными духовными и интеллектуальными движениями. М.: Искусство, 1973. 222 с.
3. **Гурьянова Т. Н.** Культурно-исторические предпосылки специфики немецкого Возрождения в оценке отечественной историографии конца XIX – XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Казань, 2009. 20 с.
4. **Заборских Т. П.** Христианская антропология немецких гуманистов XV – начала XVI века: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 1999. 20 с.
5. **Культура Возрождения XVI века:** сборник статей / Российская академия наук; Научный совет по истории мировой культуры; Комиссия по культуре Возрождения; отв. ред. Л. С. Чиколини. М.: Наука, 1997. 301 с.
6. **Либман М. Я.** Очерки немецкого искусства позднего Средневековья и эпохи Возрождения. М.: Советский художник, 1991. 208 с.
7. **Логутова М. Г.** О некоторых идеологических предпосылках Северного Возрождения и Реформации // Вестник Ленинградского университета. 1974. № 14. С. 50-56.
8. **Немецкие шванки и народные книги XVI века** / пер. с нем.; редкол. Н. Балашов, Ю. Виппер, М. Климова и др.; сост. с науч. подгот. текста и предисл. Б. Пуришева; коммент. В. Жирмунского, Е. Маркович, Н. Москалевой. М.: Художественная литература, 1990. 639 с.
9. **Немилов А. Н.** Значение Реформации для культурной общности Северного Возрождения // Культура эпохи Возрождения и Реформация / отв. ред. В. И. Рутенбург. Л.: Наука, 1981. С. 146-151.
10. **Немилов А. Н.** Немецкие гуманисты XV века. Л.: ЛГУ, 1979. 167 с.
11. **Немилов А. Н.** О хронологических рамках и специфике эпохи Возрождения в Германии // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества / отв. ред. Г. Курбатов. Л.: ЛГУ, 1974. Вып. 1. С. 88-95.
12. **Немилов А. Н.** Специфика гуманизма Северного Возрождения (типология и периодизация) // Типология и периодизация культуры Возрождения / ред. В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1978. С. 39-51.
13. **Пуришев Б. И.** Очерки немецкой литературы XV-XVII вв. М.: ГИХЛ, 1955. 391 с.
14. **Пуришев Б. И.** Своеобразие немецкого Возрождения // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы: сборник статей. М.: Наука, 1967. С. 212-244.
15. **Реутин М. Ю.** Комические жанры в литературе Германии Средних веков и Возрождения: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1992. 18 с.
16. **Смирин М. М.** Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М.: АН СССР, 1952. 420 с.
17. **Сынкова И. А.** Эстетические проблемы немецкого гуманизма: автореф. дисс. ... к. филос. н. СПб., 2003. 20 с.
18. **Чермантеева Т. С.** Античное наследие и европейский гуманизм: культурная зависимость: автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов-на-Дону, 1991. 22 с.
19. **Шевлякова Н. Н.** Ганс Сакс и литература немецкой Реформации: генезис, типология и истоки творчества: дисс. ... к. филол. н. Майкоп, 2003. 239 с.
20. **Эразм Роттердамский.** Похвала Глупости / пер. И. Губера // Библиотека всемирной литературы: в 200-та т. М.: Художественная литература, 1971. Серия первая. Литература до XVIII века. Т. 33. С. 119-207.

**FOOL'S LITERATURE TRADITION IN THE NORTHERN RENAISSANCE LITERATURE
(BY THE MATERIAL OF THE GERMAN SCHWANK, SCHILDBÜRGER CHAPBOOK
AND "THE PRAISE OF FOLLY" BY ERASMUS OF ROTTERDAM)**

Os'mukhina Ol'ga Yur'evna, Doctor in Philology, Professor
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
osmukhina@inbox.ru

Bogatova Mariya Andreevna
Municipal Educational Institution "Gymnasium № 12", Saransk
osmukhina@inbox.ru

The article analyses the interpretation of the foolishness theme in the German Renaissance literature. It is shown that from the viewpoint of the humanistic thought that was established at the turn of the XV-XVI centuries, the medieval world appeared stupid and uneducated, rejecting new knowledge and remaining ignorant, adhering to the principles of scholasticism. The authors show that, if in the schwanks of J. Pauli, J. Wickram, J. Frey, M. Montanus and in S. Brant's "Ship of Fools", which are instructive in nature, stupidity is represented as a social vice, then in "Schildbürgers" and in "The Praise of Folly" by Erasmus of Rotterdam, it is distinctly carnival and expands to the metaphor of human existence.

Key words and phrases: ambivalent laughter; carnival; fool's literature tradition; schwank; S. Brant; J. Wickram; J. Pauli; J. Frey; M. Montanus; Erasmus of Rotterdam.